

Красный цвет стал ключевым в коллекции Chanel, заставив вспомнить красные кафтаны стрельцов, пурпурные ливреи царских скороходов и ментики гусаров войны 1812 года

Коко Шанель и Великий князь Дмитрий Павлович. Короткий роман, обернувшийся для Мадемуазель страстной влюбленностью и красивым «русским периодом»

Одной царской символикой Лагерфельд не стал ограничиваться, смело перемешав ее с советскими гербами, досаафовскими значками и туристскими матрешками

Rue Cambon, 31. Сохранились и костюмы, которые она делала к балету дягилевской труппы «Голубой экспресс», – эта черно-белая пляжно-спортивная униформа, опередившая моду на целое десятилетие. Есть и множество фотографий с великим князем Дмитрием Павловичем, где они оба выглядят как персонажи какого-нибудь романа 20-х годов про «потерянное поколение». Молодая, худая, жгучая, стриженная под мальчика, с жесткими ключицами и локтями Шанель – и prince-рыбий глаз, с зализанными залысинами, породистым профилем, безупречно-белоснежным фрачным пластроном и безвольным пухлым ртом. Упадок и драйв, новый шик и вкус к былой роскоши, славянский размах и западный практицизм – все сошлось тогда в красивой истории любви французской простолюдинки и русского князя, «новой женщины» и «старого» аристократа, который на самом деле был моложе ее на целых одиннадцать лет и которого она переживет на целую жизнь.

Обычно женщины любят надевать вещи своих возлюбленных. Шанель тоже каждый свой роман начинала с бесцеремонной ревизии гардероба мужчины, которого любила, в поисках вещей, подходящих для ее новых коллекций. Так она в свое время реквизировала жокейскую униформу и нижнее трикотажное белье у Боя Кейпела – любви всей ее жизни. Так легко присвоит твидовые пиджаки для охоты на перепелок и шотландские пуловеры герцога Вестминстерского, за которого собиралась, но не вышла замуж в начале 30-х. В гардеробе у Дмитрия Павловича Шанель «присмотрит» русскую рубаху-косоворотку, сделав ее главным хитом своей «русской коллекции». Не обойдет она вниманием и великокняжеские мундиры, ставшие прообразом ее классического буклированного пиджака «Шанель», отделанного галунами и шнуром наподобие гусарских ментиков. Все шло в дело, ничего не пропадало у предприимчивой, умной хозяйки.

Из всех этих фамильных богатств для своей коллекции «Париж – Москва» Карл Лагерфельд возьмет, на первый взгляд, немного – будут и классические пиджаки, богато отделанные кантом, и свитера-косоворотки, и много ослепительно-избыточного, роскошного бижу, напоминающего своим декором царские сокровища Оружейной палаты. Но будет и много другого, чего у самой Шанель никогда не было, – например, какого-то невиданного торжества красного цвета. На привычном нейтральном фоне череда алых кардиганов, коктейльных платьев и классических костюмов «Шанель» смотрелись огненными всполохами на ночном небе. В какой-то момент Лагерфельд, похоже, даже решил, что с красным он переборщил («Я бы не хотел, чтобы меня путали с Валентино», – насмешливо заявил он), и поспешил утопить его в сине-серо-черной гамме, причудливо соединив супрематизм Малевича с ностальгическими реминисценциями Бенуа и Бакста.

Будет и много меха, которым Мадемуазель старалась не особенно злоупотреблять, но так любила носить. И вовсе не из страха перед «зелеными», которых в ее время и не было, а чисто из практических соображений: женщина, закутанная в меха, легко может превратиться в бесформенный куль. Мех требует осанки, роста, гордой шеи, ну и желательно хотя бы легкого намека на мороз или прохладу. Во всем должен быть какой-то смысл! Но русская коллекция Лагерфельда тем и хороша, что придумана им как бы вопреки всем политкорректным установкам и привычным соображениям. Ну и конечно, обувь. Вы когда-нибудь видели каблуки в виде куполов? И я тоже нет! Наверное, это самая спорная и, безусловно, самая эффектная деталь новой коллекции, которая бросилась в глаза всем модным критикам, не преминувшим поинтересоваться у русских гостей: не оскорбляет ли это их чувства? Выяснилось, что не оскорбляет. И даже наоборот, пробуждает новый прилив патриотизма. Вот, мол, и Шанель теперь нарядилась в кокошники, телогрейки и шубки. Значит, дела у русских не так уж и плохи! Значит, нам по-прежнему рады на Rue Cambon. И аромат знаменитых духов «Русская кожа» все так же волнует и манит, как восемьдесят пять лет назад.

Да и сам показ, прошедший в старом парижском театре Ranelagh, стилизованный под эмигрантский ресторан 20-х годов, под русский оркестр, под песни Петра Лещенко, под шампанское и канапе из черного хлеба, всей своей атмосферой, совсем не пафосной, не чопорной, не парижской, настраивал на какой-то возвышенно-насмешливый тон. Это как в последних актах чеховских пьес, где герои из последних сил хорохорятся, пытаясь поддержать друг друга: «Музыка играет так весело… Мы отдохнем, мы увидим небо в алмазах… Надо жить, надо жить…»